

Евгений Старостин

О ЧЕМ УМОЛЧАЛ КНЯЗЬ П.А. КРОПОТКИН В «ЗАПИСКАХ РЕВОЛЮЦИОНЕРА»

«Записки революционера» П.А. Кропоткина — не исповедь человека, доверяющего бумаге самое сокровенное. Воспоминания П.А. Кропоткина — заказное издание, написанное в 1898 г. по просьбе издателя американского журнала *Atlantic Monthly* Вальтера Паджа и предназначавшееся прежде всего для зарубежного читателя. Работая над воспоминаниями, автор прекрасно осознавал, что ими тотчас же заинтересуются и на Родине. Как только «Записки революционера» появились в 1902 г. на русском языке, они были сразу же конфискованы и изучены жандармами вдоль и поперек. Вот почему в них о многих событиях, активным участником или свидетелем которых был Кропоткин, сказано скороговоркой, многие имена не раскрыты, а интерпретация некоторых фактов вызвала возмущение близких родственников, оставшихся в России. Вместе с тем, это чрезвычайно талантливое, искреннее произведение, ставшее классикой отечественной мемуарной литературы. Автор в «Записках» преодолел мемуарную ограниченность и воссоздал первоклассную историческую хронику второй половины XIX в., с глубокими научно-философскими эссе, с выразительными зарисовками выдающихся деятелей России, с которыми его сталкивала судьба.

То, что не рассказал Кропоткин, по прошествии времени стали вспоминать другие. В 70-е гг. XX в. в «Литературном наследстве» (кн. 3) выходят «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого, друга и личного врача Л.Н. Толстого, которые прошли мимо внимания кропоткиноведов. В своем дневнике Маковицкий описал один из эпизодов в семье Толстых, имевших прямое отношение к Кропоткиным. Рассказывал Илья Львович, работавший в то время оценщиком земли: «По скверной дороге... приехал в ее имение. У калитки сада сказал мужику-дворнику или садовнику, — чтобы доложил. И тот побежал к дому. Навстречу ему шел сын барыни и закричал на меня: Не приближайтесь ко мне, а то застрелю. И действительно напелдился на меня из браунинга. Такой трус раздерганный. Его мать говорила Илье Львовичу, что он офицер Семеновского полка, на Казанской дороге он расстрелял 20 человек. Лев Николаевич спросил, какой он из себя. Илья Львович рассказал и добавил: а это племянник Кропоткина. Его мать — сестра Кро-

поткина. Софья Андреевна: Кропоткиных два брата — сыновья моего отца, — и рассказала историю, как ее отец молодым врачом лечил их мать, которая была замужем за стариком. и в результате она в скором времени родила одного за другим двух сыновей. И Софья Андреевна принесла фотографию своего отца и сличала с фотографией Кропоткина, которая оказалась у Черткова. — В моего отца, вылитый, — говорила Софья Андреевна». Не скрою, эти сведения, как и другие архивные находки, упали на благоприятную почву и многое, что раньше в биографии П.А. Кропоткина не стыковалось, встало на свои места.

Мать братьев Кропоткиных, Екатерина Николаевна Сулима, дочь генерала, героя Отечественной войны 1812 г., впоследствии генерал-губернатора Восточной Сибири Н.С. Сулимы (1777–1840), была замечательной женщиной. Природа, казалось, наделила ее всем: она хорошо музицировала, рисовала акварелью и маслом прекрасные этюды, писала иконы для строящейся церкви в селе Петровском Тамбовской губернии, увлекалась стихами Байрона, Лермонтова, Рылеева и др. Судьба не дала ей лишь здоровья. «Высокая, стройная, с массой каштановых волос, с темно-карими глазами, с маленьким ртом, она, как живая, глядит с портрета, написанного с любовью масляными красками хорошим художником», — так описывал мать П.А. Кропоткин в «Записках Революционера». Старшая сестра Елена Алексеевна подтверждает видение брата, когда писала о матери: «Воспитания она была нежного, здоровья не крепкого, была хороша собою, имела много поклонников своей красоты, грации и хорошие качества своей души... Роста она была большого». Расхождение брата и сестры в оценке, пожалуй, были в одном. Елена пишет, что у матери были «чудные темно-голубые глаза».

Екатерина Николаевна Сулима (1811–1846) и Алексей Петрович Кропоткин (1805–1871) познакомились в Варшаве в конце 20-х гг., куда последнего перевели по службе в штаб корпусного генерала Н.С. Сулимы. Отпраздновав пышную свадьбу дочери (1831), отец невесты, который по причине большой семьи не мог ей оставить большого наследства, позаботился о карьере зятя. После рождения первых детей — Николая в 1834 г. и Елены в 1835 г.

он помог перевести молодого князя на службу в Москву (1837). С этого периода в семье начался разлад и причин ему было несколько. А.П. Кропоткин — служака, типичный николаевский офицер, к тому же штабист, большую часть времени проводил в военных смотрах, караулах, парадах, а оставшееся время посвящал болезни века — картам. «Мать, — как писала Елена, — была очень несчастна в супружестве, не находя утешения дома, стала она выезжать много, увлеклась танцами при хилом здоровье, не береглась вовсе, простудилась после бала, захватив легочную лихорадку». Одной из причин разлада стал первый сын Николай, росший нервным и неуравновешенным мальчиком, которого постоянно ругал отец и которого изо всех сил защищала мать. Отец продолжал играть в карты, притом проплывая почти всегда. После одного крупного проигрыша в несколько десятков тысяч рублей, он попытался рассчитаться с жизнью. «Это было для нас самое тяжелое время, — продолжала вспоминать Елена, — Мать плакала у себя. Иногда уезжала куда — то вечером или больная с доктором сидела у себя, и все мы дома ходили тогда на цыпочках». Уточню, что речь идет о конце 30-х гг. Сопровождал ее доктор тогда, когда она ездилась лечиться на воды в Германию. Так поступали и другие богатые дворянские семьи, когда отправлялись подправить здоровье за границу. Установить, кто был этот доктор, не составило никакого труда. Князей Кропоткиных, как и многих других соседей по «дворянскому гнезду» старой Москвы, лечил врач Московской дворцовой конторы Андрей Евстафьевич Берс. Уверен, что у знатоков русской дворянской культуры сразу же екнуло сердце. Да, это тот самый Берс, чья судьба пересекалась с Тургеневыми, и чья дочь Софья вышла замуж за графа Л.Н. Толстого. Нелишне будет напомнить, что Екатерины Сулима шел 28-й, а Андрею Берсу 31-й год. Врач тогда ходил еще в холостяках.

Третий и четвертый ребенок у Екатерины — Александр и Петр родились один за другим, соответственно, в 1841 (14.10) и 1842 (27.11) гг. Рождение детей, однако, не принесло ожидаемого выздоровления матери. Скорее наоборот. Она медленно угасала и 16 апреля 1846 г. легочная лихорадка унесла ее к могилу. Вскоре после смерти Екатерины жизнь в доме Кропоткиных изменилась. Женившись снова через два года на Елизавете Марковне Карандино, дочери адмирала Черноморского флота, князь, по настоянию молодой жены продал старый особняк и переехал в новый, находящийся здесь

же вблизи Пречистенки. Все, что напоминало об умершей жене: рисунки, портреты, вышивания, личные бумаги, одежда, мебель и т. п. было выброшено. Князь, по настоянию мачехи, приказал рассчитаться с доброй, старой немкой Бурман — няней и воспитательницей Александра и Петра. Дома он приказал не упоминать имя бывшей жены, запретил также принимать ее родственников, а детям встречаться с ними. Дворовые, которые прекрасно знали о разгоревшейся у них на глазах драме, целиком встали на сторону умершей княгини, нежной, доброй и справедливой, проявив к сиротам ту заботу, которой им так не хватало после смерти матери. Такой поворот событий не мог нравиться жившим в Москве многочисленным родственникам по линии жены.

Перестали Кропоткины пользоваться и услугами доктора А.Е. Берса. Впрочем последний не очень огорчился. Направляясь в 1842 г. в имение Тургеневых, проездом в Туле он встретил хорошенькую шестнадцатилетнюю помещицу Любовь Александровну Иславину, которой предложил руку и сердце. Первый ребенок, девочка Елизавета родилась в 1843 г., Софья — 1844 г. (будущая жена Л.Н. Толстого), Александр — 1845 г., Татьяна — 1846 г., Петр — 1849 г. и т. д. Обращаем внимание на то, что первым двум мальчикам Берс дал имена такие же, какие были и у детей Екатерины: Александр и Петр. Последний ребенок, Вячеслав, у Берса родился в 1861 г., когда отцу было уже за 50, за семь лет до смерти. По вполне понятным причинам, он ни одну из своих многочисленных дочерей не назвал Екатериной. Итого, считая умерших в раннем детстве, у Андрея Евстафьевича родилось 14 детей (опуская четырех внебрачных). У брата Александра Евстафьевича Берса, тоже врача, но уже императорского двора в Санкт-Петербурге, было 18 детей. К нему мы еще вернемся, поскольку и он сыграл определенную роль в судьбе Петра Кропоткина.

Для воспитания детей Александра и Петра в семью Кропоткиных был приглашен француз Пулен, солдат, оставшийся в России после разгрома Великой армии Наполеона. «На нас детей, — писала Елена, — не обращали никакого внимания». Часто Пулен особенно в первые годы свое незнание педагогики заменял розгой. Не лучше к ним относилась мачеха, которую впоследствии между собою дети называли «проклятой», «пугачихой», «подлой бабой» и т. п. По-настоящему драма разыгралась в конце 50-х гг., когда остро встал вопрос о карьере Александра и Петра. Хотя Алек-

сандр учился в Первом московском кадетском корпусе, а Петр в привилегированном Пажеском корпусе, особой любви к будущей военной профессии они не испытывали. Это очень раздражало отца и особенно доставалось Александру, у которого один конфликт с начальством сменялся другим. Александр, тяготивший к литературе и науке, (внутренне сопротивлялся военной муштре и постоянному подавлению личности. Более серьезным у молодого кадета был конфликт с корпусным священником. Александр увлекся лютеранством и пропагандировал догматы основателя немецкого протестантизма кадетам в корпусе и в письмах к брату, что не могло оставить безучастным батюшку. Появился ли на Александра лютеранин по вере А.Е. Берс или кто-то другой — мы не знаем. О «нехристианстве» Александра постоянно говорили в семье. Дело дошло до отцовского рукоприкладства и бегства его в августе 1860 г. из родительского дома в Никольском в Москву.

Поведение Александра князь Алексей Петрович, всегда отличавшийся подозрительностью, объяснял тем, что он не родной его сын. К сожалению, эти подозрения усилила весной 1859 г. родная сестра Екатерины — Клавдия Николаевна Сулима, заявив, что Александр не его кровный сын. «Да во всем пошел по Берсу, — говорил Алексей Петрович, посетив сына Петра в Санкт-Петербурге. И тут же спросил: — Ты помнишь его? — Помню, — ответил, Петр». Этот разговор с отцом Петр сразу же описал в письме к брату от 2 апреля 1859 г. В следующем письме к Александру от 8 мая 1859 г. Петр снова возвращается к этому вопросу и называет более ранним источником этих сведений брата своей матери Семена Николаевича Сулиму. Можно предположить, в каком душевном волнении находились братья. В письме к брату в Москву Петр удивлялся, почему Александр сразу же поверил подозрениям отца. Он советует ему обратиться «к людям тебе ближе, (т. е. к родственникам по линии матери, проживавшим в Москве — Е.С.), от них можно что-нибудь узнать».

Что узнал Александр от Сулим (из переписки известно, что этим летом он две недели прожил у теток), остается загадкой. 20 июля 1859 г. он пишет примирительное письмо к отцу: «Прошу Вас также, снес рара, забудьте вообще все прошлое. Что касается до отсылок к N N, — я вовсе теряюсь... Щадя Ваше и свое имя, я не могу НИКОГДА идти к нему. Вы это понимаете лучше меня самого; а если так, — к чему эти еженедельные предложения мне сде-

лать — неисполнимое». Психологически также трудно предположить, что мог состояться «мужской разговор» между А.П. Кропоткиным и А.Е. Берсом. Скорее нет. Хотя, известно, что в этом году оба серьезно заболели. И впоследствии, ни тот, ни другой, так до конца и не поправились.

Отношение к сыновьям у старого князя ухудшилось. Его гнев обрушивается также и на Петра, который ослушался его и, закончив в 1862 г. Пажеский корпус, местом своей дальнейшей службы выбрал не гвардию, а отдаленную окраину — Амурское казачье войско. После непродолжительной службы в Приморье и Восточной Сибири в 1867 г. он возвратился в столицу и поступил работать к П.П. Семенову-Тяньшанскому в статистический комитет МВД. Гневу отца не было предела. Петра он постоянно называет «семеновским письмоводителем», занявшего «самую унизительную и подлейшую должность». «Братцу твоему, — обращается он к Елене, — я писал 20 июля (1870 г. — Е.С.), — чтобы забыл обо мне, что я существую пока на этом свете и в разговорах, и в мыслях. Чтобы не поминал меня...».

Александр и Петр были очень похожи друг на друга. «Deux têtes sous un même bonnet», — как они себя сами называли. Те люди, которые с ним мало общались, нередко их путали. И у того и у другого рано появились лысины, тот и другой отпустили бороды до пояса, форма головы, — как отмечала, их сестра Елена, — у них была одинакова. Распространил ли свое подозрение князь и на Петра, остается загадкой. Полагаем, что да. И доказательством этому служит не только выявившееся внешне сходство, но и завещание составленное в 1868 г. А.П. Кропоткиным за два с половиной года до кончины, в котором он Александру и Петру выделил одно небольшое имение Петровское в Тамбовской губернии. «Они распределением этим останутся довольны и не захотят тревожить мой прах на могиле спорами и тяжбами делами» (окт. 10, 1868 г.).

Теперь настало время вернуться к Берсам. Андрей Берс, высокий, красивый, артистичный был частым гостем дворянских великосветских салонов. Он недурно играл на фортепьяно и продолжал пользоваться успехом у дам. Его зять Л.Н. Толстой, который, известно, в молодом возрасте сам не был святым, говорил о нем, как об «чрезвычайно прямом, честном и вспыльчивом человеке, но большом ловеласе». А.Е. Берс, естественно, не забывал своей непродолжительной и сильной любви к Екатерине и следил за карьерой ее старших

детей. У Петра жизнь и учеба складывалась в Пажеском корпусе блестяще. Обладая прекрасными способностями, он вскоре стал первым учеником и личным пажем Александра II. Конечно, у него были трудности, в том числе и со здоровьем. Чрезвычайно внимательно, «с истинно отеческой заботливостью», — писал впоследствии Петр, — ко мне отнесся врач корпуса». Мы же заметим, что врачом этого привилегированного военного заведения был одно время Александр Евстафьевич Берс, родной брат Андрея Евстафьевича.

Андрей Берс продолжал сильно болеть все 60-е гг. и, вероятней всего, в один из последних своих дней (умер 31 мая 1868 г.) он открывает дочери Софье, что он настоящий отец Александра и Петра Кропоткиных. Уносить в вечность свою последнюю тайну он не хотел.

Софья Андреевна Толстая (Берс), умная, талантливая и эмоциональная дама, имевшая в особенности в первоначальный период большое влияние на Л.Н. Толстого, в том числе и на его религиозные взгляды, не могла не сообщить мужу о своей тайне. Использовал ли великий писатель эти сведения в своем творчестве? Вполне возможно. Взять хотя бы внебрачного сына Пьера Безухова из романа «Война и мир». Во всяком случае семейная легенда сохранила до наших дней, что отец Софьи Андреевны был отцом знаменитого анархиста и ученого Петра Кропоткина и его брата Александра. О чем писал уже упоминавшийся Д. Маковицкий в годы после первой русской революции и о чем совсем недавно сообщила научная сотрудница музея «Ясная поляна» О.Ю. Сафонова, отметив их внешнее сходство¹.

Подтверждают эту версию сохранившиеся в Музее Л.Н. Толстого в Москве рукописные воспоминания Сергея Львовича Толстого, старшего сына великого писателя об его участии в деле переселения в конце XIX века духоборов из России в Канаду. Посредником тогда между духоборами и канадским правительством, по просьбе Л. Н. Толстого, выступил старый русский эмигрант князь — революционер П.А. Кропоткин. «Упомяну еще о том, — писал Сергей Львович, — что слышал от моей матери о происхождении Петра Алексеевича. Она говорила мне, что из четырех братьев П.Л. Кропоткина два меньших, он сам и его меньший брат, были сыновьями не Кропоткина, а его отца Андрея Евстафьевича Берса, бывшего домашним врачом Кропоткиных. Если это верно, то Петр Алексеевич мне придется чем-то вроде дядюшки. Теперь, вспоминая о нем, мне кажется, что я чувствовал в нем нечто родственное. А если верно то, что

говорила моя мать, и если Петр Алексеевич знал это, то не поэтому ли он был так приветлив со мною?».

Александр Кропоткин, который был сослан царем в административную ссылку в Сибирь только за то, что он громче других говорил о язвах российского общества, в 1886 г. в Томске покончил жизнь самоубийством. И российское общество, которое всегда отличалось не долгой исторической памятью, вскоре его забывает.

Петр Алексеевич Кропоткин наоборот, к концу XIX в. достигает зенита своей славы: его труды по научным и общественным вопросам издаются на всех языках мира, а биография печатается в крупнейших энциклопедических изданиях. Казалось, можно было бы уже забыть эту семейную легенду, ведь прошло более полувека. Но нет. Московского врача Берса он вспоминает, как отца Софьи Андреевны Толстой, когда анализирует творчество Л.Н. Толстого в своей книге «Идеалы и действительность в русской литературе»². На страницах, посвященных роману Толстого «Анна Каренина», Кропоткин, разбирая поистине шекспировский его сюжет, через который прошла и его семья, возражал против толстовской интерпретации права «новой любви» замужней женщины. Любовь, которая овладела Анной, меньше всего заслуживает «отмщения» в духе библейского текста «Мне отмщение и Азъ воздам», вынесенного Толстым в эпиграф своего произведения. У этой темы было продолжение, однако оно уже связано с другим великим писателем. В эмиграции П.А. Кропоткин знакомится с постоянно живущем во Франции И.С. Тургеневым. Он вспомнил одну из историй, которую ему рассказал великий писатель. «Раз как-то мы сидели на первом представлении одной новой пьесы, — вспоминал Тургенев. — Я сидел в ложе с Флобером, Додэ, Золя. Все они, конечно, люди передовых взглядов. Сюжет пьесы был вот какой. Жена разошлась с мужем и жила теперь с другим. В пьесе он был представлен отличным человеком... Дети ее, мальчик и девочка, были малютками, когда мать разошлась с их отцом. Теперь они выросли и все время полагали, что сожителем их матери был их отец... Сцена представляет семейное собрание за завтраком. Девушка подходит к своему предполагаемому отцу, и тот хочет поцеловать ее. Но тут мальчик, узнавший как-то истину, бросается вперед и кричит: «Не смейте». Это восклицание вызвало бурю в театре. Раздался взрыв бешенных аплодисментов. Флобер и другие тоже аплодировали». Тургенев же был

крайне возмущен и считал, что этого «дрянного испорченного мальчишку следует просто высечь». Такой же позиции придерживался и Кропоткин, который, несмотря на имевшее место напряженность в семье, остался благодарным отцу за то, что он, преодолевая внутреннее озлобление, продолжал по-своему проявлять заботу о сыновьях. Отказываясь носить княжеский титул (ему его навязывали издатели), Петр Алексеевич Кропоткин никогда не отказался от своего отчества. Не только родство душ и взаимное уважение сближало великого писателя и великого революционера. Их сближала возможно и общая тайна. И.С. Тургенев знал, что его мать Варвара Петровна Тургенева имела побочную дочь Варвару Николаевну Богданович-Лутовинову (в замужестве Житову, 1833–1900), рожденную от молодого А. Е. Берса, служившего в конце 1820 — начале 1830 гг. домашним врачом у Тургеневых.

К старости П.А. Кропоткин действительно стал очень похож на А.Е. Берса. От Берса он получил не только голубые глаза, высокий мощный лоб, переходящий в лысину, характерный рисунок больших ушей, похожую конфигурацию носа, но и вспыльчивый прямой характер, бесконечную, прямо-таки религиозную любовь к природе, музыкальность, обожание театра, поэзии, литературы и в хорошем смысле слова, скупость. Рабочие, которым Кропоткин-Бородин за Невской заставой в 70-х гг. рассказывал об Интернационале и Французской революции, дали ему прозвище «Крохин», поскольку он их постоянно учил бережно обращаться с общественными деньгами. Имеется еще одна общая черта: Кропоткин, как и Берсы, хладнокровно относился к смерти. Когда сестра милосердия Екатерина Линд, ухаживавшая за умирающим Кропоткиным, спросила его, как он себя чувствует,

он ответил: «Полное ко всему равнодушие.— И продолжил, — Какой тяжелый процесс умирание».

Через всю жизнь П.А. Кропоткин пронес глубочайшую любовь к матери. Вернувшись на Родину через более чем сорок лет эмиграции, в Москве он первым делом пошел на ее могилу на Новодевичьем кладбище. Можно представить, какие нежные слова рождались в голове старого революционера, дожившего до Великой русской революции и видящего вместе с тем ложность ее развития. В ответе на мучивший его вопрос, который волновал его всю сознательную жизнь, он безоговорочно принял официальную метрическую версию. По другому поступить он и не мог. При подготовке после его смерти 8 февраля 1921 г. к изданию переписки братьев жена Петра Алексеевича Софья Григорьевна Кропоткина подвергла тщательной ревизии ее содержание и все то, что касалось Берсов было изъято. Фразы типа: князь ворвался в комнату и закричал: «Вы, берсово отродье», — были тщательно зачеркнуты. Другую позицию занимала жена Александра Алексеевича Вера Севастьяновна Кропоткина, которая была против приглашения текста писем и настаивала на том, чтобы печатать все, как было.

Предпринятый документальный экскурс несколько не затрагивает чести и достоинства родственников семьи Кропоткиных и Толстых. В жизни часто случалось, случается и будет случаться, что природа и любовь побеждает официальные оковы брака.

¹ Сафонова О.Ю. Род Берсов в России. — М., 1999. — С. 44

² СПб., 1907. — С. 131.

Олег Божко

ВІСЬ

ОЖИ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ВІСЬ

ПОЕТ НА ВІЙНІ.

**ІСТОРИЧНИЙ КОМЕНТАР ДО XXX–XLVI РОЗДІЛІВ
РОМАНУ В. СОСЮРИ «ТРЕТЯ РОТА»**

Публікація повного тексту роману В. Сосюри «Третя Рота» (у журналі «Київ», №№1–2 та окремою книгою у видавництві «Радянський письменник») ¹ була чи не найпомітнішою подією 1988 р. в українській літературі. Художня цінність прози видатного поета без-

сумнівна, значення роману як докладної автобіографії одного з тих, хто складає гордість нації — незаперечне. Є у романі й інше достоїнство, особливо відзначене його публікатором С.А. Гальченком — документальна достовірність. С.А. Гальченко пише про високий ступі-